

М. М. Сафонов

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ (Н. М. ДРУЖИНИН ПРОТИВ М. В. НЕЧКИНОЙ)

В статье рассматривается процесс выработки советской концепции восстания декабристов. Автор прослеживает зависимость научных подходов ведущих декабристоведов от господствующей идеологии марксизма-ленинизма, анализирует исследовательские приемы, с помощью которых ведущие ученые пытались приспособить конкретно исторический материал к идеологическим схемам «Краткого курса», совместить политизированные оценки декабризма, данные Лениным, со сталинской теорией развития и смены общественно-экономических формаций. Но даже при такой детерминированности ученых штудий идеологическим курсом правящей партии в историографии имел место плюрализм мнений, отстаивавшихся марксистскими академиками Н. М. Дружининым и М. В. Нечкиной. Однако победила точка зрения последней как более всего отвечавшая тем задачам, которые ставило перед собой советское государство. Библиограф. 15 назв.

Ключевые слова: декабризм, восстание декабристов, тайные общества, Ленин, Сталин, Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина.

FROM THE HISTORY OF THE SOVIET CONCEPT OF THE DECEMBRIST REVOLT (N. M. DRUZHININ AGAINST M. V. NECHKINA)

M. M. Safonov

The article discusses the process of development of the Soviet concept of the Decembrist uprising. The author traces the dependence of scientific approaches of leading scholars on the dominant ideology of Marxism-Leninism, analyzes the research methods by which leading scientists were trying to adapt specifically historical material to ideological schemes of the *Short course*, to combine politicized evaluation of Decembrism, given by Lenin, to Stalin's theory of development and change in socio-economic formations. But even with such determinism of study by the ideological course of the ruling party, in historiography there has been a diversity of opinions, of the Marxists academicians N. M. Druzhinin and M. V. Nechkina. However, the point of view of the latter won because it supplied the needs of the Soviet state. Refs 15.

Keywords: decembrism, the Decembrist uprising, secret societies, Lenin, Stalin, N. M. Druzhinin, M. V. Nechkina.

С именем М. В. Нечкиной связан целый этап в развитии советского декабристоведа. Ей принадлежит ведущее место среди ученых-декабристоведов, которые работали в рамках формационного подхода и признавали классовую борьбу движущей силой истории. М. В. Нечкина создала советскую концепцию движения декабристов, которая благополучно дожила до наших дней. Общим фоном, на котором создавалась эта концепция, была критика ошибок «школы» М. Н. Покровского. Борьба против исторической концепции М. Н. Покровского протекала под знаменем восстановления подлинного историзма, характеризующего ленинские взгляды на декабристское движение. Главный «грех» М. Н. Покровского и его последователей заключался в отрицании «революционности декабристов», в то вре-

Сафонов Михаил Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7; m.safonov@list.ru

Safonov Mikhail Mikhailovich — Ph.D., Senior Researcher, St. Petersburg Institute of History, RAS, 7, Petrozavodsk str., St. Petersburg, 197110, Russian Federation; m.safonov@list.ru

мя как Ленин видел в декабристах прежде всего дворянских революционеров, деятельность которых должна быть высоко оценена [Нечкина 1939, с. 303–337]. Они боролись за освобождение крестьян от крепостного права, против самодержавия, исповедовали республиканские идеи. Именно за борьбу с самодержавием и крепостничеством декабристы заслуживают названия революционеров. Но их революционность была дворянской, т.е. ограниченной. Дворянское революционное движение было далеко от народа, ему не присущ лозунг массового революционного восстания, оно не стремилось опереться сознательно на народное восстание. Декабристы были первым поколением революционеров, органически связанным с последующими поколениями революционного движения. Декабристы знаменовали собой дворянский этап освободительного движения. Они первыми выступили против царизма и стали зачинателями русского революционного движения. Декабристы открыто выступили против царизма с оружием в руках. У них была революционная организация, подготовившая это выступление. Они подняли военное восстание. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма» [Нечкина 1955а, с. 19–29]

Из противоречивых и разновременных высказываний вождя большевиков В.И. Ленина М.В. Нечкина выстроила «цельную и полную глубочайшего содержания концепцию движения декабристов» [Нечкина 1935, с. 29; Нечкина 1939 с. 303; Нечкина 1955а, с. 19]. Правда, М.В. Нечкина утверждала, что это сделал сам Ленин. По словам исследовательницы, Ленин указал место декабристов в истории русской революционной борьбы и дал классовый анализ декабристского движения [Нечкина 1939, с. 303]¹. При оценке ленинских высказываний о декабристах, надо, конечно же, иметь в виду, что они были сделаны не историком, а политическим деятелем, вождем РСДРП (б). Высказываясь о декабристах, Ленин менее всего был озабочен поисками исторической истины. Перед ним как политиком прежде всего стояли задачи политические. В агитационных целях ему было очень важно показать, что большевики — единственная революционная партия в России. Но она возникла не на пустом месте. Партия опиралась на революционную традицию, т.е. имела непосредственных предшественников. Однако все эти предшественники были недостаточно революционны, и только возглавляемая им марксистская партия явилась воплощением революционной идеи, и только она, партия большевиков, способна совершить революционный переворот. В этом контексте декабристы должны были стать деятелями революционными, но революционерами ограниченными. Они, как и большевики, выступали против самодержавия и крепостничества, впервые подняли вооруженное восстание против царизма, подготовленное революционной организацией с целью совершить государственный переворот.

Оформив «ленинскую концепцию» декабризма, М.В. Нечкина вписала ее в сталинскую концепцию общественно-экономических формаций и тем самым определила место декабристов в мировой истории. «Движение декабристов с методологических позиций марксизма, — писала М.В. Нечкина, — тема, органически связанная с проблемой смены общественно-экономических формаций. Принадлежит к высшей форме классовой борьбы — революционному движению, декабристское движение должно изучаться в связи с законом обязательного соответствия

¹ Только в издании 1939 г. говорилось еще, что Ленин определил «историческое значение» декабристов [Нечкина 1939, с. 303]

производственных отношений характеру производительных сил. Россия вступала в это время в эпоху кризиса феодально-крепостной формации. Классовая борьба, участниками и выразителями которой были первые русские революционеры, говорила о резком столкновении нового со старым. Возникновение революционного движения уже само по себе является существенным признаком кризиса старой формации и развивается в конце ее «нисходящей стадии». Борьба передовых классов объективно пробивает дорогу новому и дает возможность реализации закона обязательного соответствия производственных отношений новым по характеру производительным силам. Декабристы совершили первую атаку на самодержавно-крепостнический строй. Они потерпели неудачу и были разбиты. Но дело их не погибло. Они внесли свой вклад в расшатывание старого, в сокращение срока его господства, приблизили час его падения. Они положили начало революционному опыту в русском освободительном движении. Они содействовали подъему освободительной борьбы на новую высоту. Революционное выступление декабристов объективно послужило ликвидации отживающего феодально-крепостного строя, на смену которому шел новый — в тот момент прогрессивный — капиталистический строй» [Нечкина 1955а, с. 47–48].

Так была создана советская концепция движения декабристов. Первоначально она называлась «ленинско-сталинской» [Нечкина 1939, с. 303], но по сути являлась сталинской, потому что сведенные вместе публицистические высказывания Ленина были вписаны в пятичленную схему развития и смены общественно-экономических формаций, при жизни основателя советского государства еще не существовавшую. При этом определяющим фактором стало единственное высказывание И. В. Сталина о декабристах, сделанное во время беседы с немецким писателем Э. Людвигом. На замечание Людвига о том, что Романовы процарствовали в России 300 лет, Сталин возразил: «Да, но сколько было восстаний и возмущений на протяжении этих 300 лет: восстание Стеньки Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 г., революция в феврале 1917 г., Октябрьская революция» [Сталин 1934, с. 157]. Важнейшим в этом высказывании вождя большевиков было то, что Сталин, как и Ленин, оценил восстание декабристов как факт революционного движения [Нечкина 1939, с. 303]. Замечание Сталина оказало определяющее влияние на то, как М. В. Нечкина трактовала высказывания Ленина о декабристах.

Академик Л. В. Черепнин отмечал, что «творческий путь М. В. Нечкиной связан с общими путями становления и развития марксистско-ленинской исторической науки» [Черепнин 1971, с. 5]. Действительно, нечкинская концепция декабризма прошла сложный путь, важнейшую веху которого знаменовали постановления партии и правительства середины и второй половины 1930-х годов о преподавании истории, а также изданная в 1938 г. «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», которые отражали взгляды вождей на сущность исторического процесса и возможности использования их в пропагандистских целях.

Концепцию восстания 14 декабря, выдвинутую М. В. Нечкиной, пытался оспорить Н. М. Дружинин. Он выражал сомнение в том, что в этот день тайное общество предприняло попытку осуществить действительно радикальный, по целям и методам осуществления, переворот. Оппонент М. В. Нечкиной, не называя ее по

имени, отрицал один из центральных ее тезисов, согласно которому руководители движения 14 декабря намеривались отменить крепостное право.

В конце 1950 г. на объединенной сессии отделения истории и философии и литературы и языка Академии наук СССР Н. М. Дружинин прочитал доклад «Программа северных декабристов», который вскоре был обнародован. В этом докладе Н. М. Дружинин высказал иную точку зрения относительно планов выступления 14 декабря. Автор исходил из ранее высказанной им идеи о глубоких различиях двух основных течений в Северном обществе: радикального, связанного с именем Рылеева, и умеренного, представленного прежде всего Трубецким.

Н. М. Дружинин полагал, что процесс вызревания капиталистического уклада в недрах феодально-крепостнической формации имел следствием формирование буржуазно-революционных идей, а «восстание 1825 г. было первой попыткой применить эти буржуазно-революционные идеи в жизни» [Дружинин 1951, с. 35]. Высказав ставший уже традиционным после публикации работ М. В. Нечкиной ленинский взгляд, согласно которому декабристы были дворянскими революционерами, ставившими целью разрушить феодально-крепостнический строй с помощью оружия, автор тем не менее характеризовал членов тайных обществ более сдержанно, без того безоглядного восхищения, которым отличались сочинения его основного оппонента. Н. М. Дружинин подчеркивал, что декабристы хотя и были представителями передового дворянства, затронутого капиталистическими процессами, все же «вышли из среды правящего дворянского сословия и несли в себе пережитки старого феодального мировоззрения». Ученый утверждал: «Наличие феодальных пережитков является характерной чертой в создании буржуазной надстройки» [Дружинин 1951, с. 36]. Отдельными прослойками дворянства эти пережитки преодолевались неравномерно. Под влиянием разложения феодально-крепостнического строя дворянство раслаивалось, и различные его слои по-разному реагировали на явления эпохи. При этом дворянские революционеры не могли преодолеть до конца в своем сознании феодальные пережитки. Отсюда двойственность, колебания, которые не покидали их до последнего момента. Именно поэтому они были не способны возглавить народное движение, связать себя с народными массами и тем самым обеспечить себе победу.

Это ярко выразилось в процессе выработки программы Северного общества, в частности программы рылеевской группы, проекта манифеста Трубецкого, призванного служить идеологической опорой переворота [Дружинин 1951, с. 37]. Н. М. Дружинин характеризовал Рылеева и его сторонников как «убежденных республиканцев», тогда как более умеренные члены Северного общества — Г. С. Батенков, В. И. Штейнгейль, К. П. Торсон — защищали монархический строй. Рылеев и его единомышленники «принципиально стояли на позициях республики», склонялись к мысли, что царевбийство или изгнание императорской фамилии должны стать первоначальными и важнейшими условиями переворота. Они склонялись к более демократическому решению крестьянского вопроса, сочувствовали проектам Пестеля. Хотя их программа не отлилась в форму политического проекта, они мечтали об этих преобразованиях, когда готовили восстание 14 декабря. «Однако и рылеевская группа дворянских революционеров, вышедших из мелкопоместной среды, слабо связанная с верхами крупного дворянства, была не способна до конца изжить дворянские феодальные пережитки, и она раздиралась внутренними про-

тиворечиями, и ее участники непрерывно колебались, в конце концов оказались в зависимости от того самого умеренного течения, против которого они выступали» [Дружинин 1951, с. 43].

Именно поэтому «высший этап оформления буржуазно-революционной идеологии оборвался ранее, чем привел к действительным результатам. 14 декабря рылеевская группа вышла на Сенатскую площадь «с иными формулировками, с иными требованиями, с иными документами в руках». Н. М. Дружинин убежден, что в период подготовки восстания «уже накануне переворота ясно обнаружилось сознание рылеевцами своего бессилия. Об этом же свидетельствуют их попытки опереться на «высшие трибуналы», искание союза с прогрессивным дворянством, которое определяло собой тактику Н. Муравьева. Вот почему диктатором был избран не кто иной, как кн. С. Трубецкой — ближайший единомышленник Никиты Муравьева, представитель умеренного течения, сторонник «легального» переворота. «Именно его план и лег в основу подготовляемого восстания: воспользоваться начавшимся междуцарствием, увлечь полки именем Константина и слухом о том, что в Сенате сокрыто духовное завещание покойного царя, которое обещает солдатам сокращение срока службы; вести один полк к другому полку; и добиться того, чтобы перед зданием Сената выросла достаточно солдатская вооруженная сила; опираясь на эту силу, обратиться к Сенату с требованием, ввиду того, что один наследник престола отрекается, другой не желает занять его — созвать представителей народа, разрешить вопрос о форме правления и о новой организации государства. Таким образом, апелляция к Сенату, который должен был опубликовать революционный манифест, апелляция к Государственному совету, который должен был присоединиться к этому манифесту, и апелляция к Синоду, который должен был освятить совершенный акт присягой новому правительству, — вот что лежало в основе этой тактики» [Дружинин 1951, с. 43].

Кроме того, «революционное общество должно было оказать вооруженное давление на Сенат в расчете на то, что гвардейские полки не станут стрелять по восставшим гвардейским полкам, а передовые сановники во главе с Мордвиновым и Сперанским поддержат и закрепят инициативу восставших. Сергей Трубецкой и последовавшие за ним Рылеев и его соратники считали возможным, захватив дворец и изолировав царскую фамилию, овладеть Петропавловской крепостью, сохранить вооруженную силу около столицы и затем созвать депутатов от народа, окончательно оформить преобразование государства. Бунтующие члены мешали реализации плана Трубецкого. Рылеев и его соратники рвались к более активным действиям, но они подчинились избранной диспозиции». Рылеевская группа считала, что для того, чтобы государственный переворот был доведен до конца, необходимо в момент низвержения старой власти немедленно опубликовать комплекс мер, которые обеспечили бы сочувствие перевороту самых широких слоев народа. Поэтому накануне переворота Трубецкой вместе с Рылеевым составили документ, который должен быть предложен Сенату для утверждения. Они поместили в нем целый ряд положений программного характера, публикуемых немедленно и обеспечивающих сочувствие перевороту.

Часть положений манифеста была взята из программы боевой рылеевской группы. «Однако, если мы посмотрим в основные положения манифеста Трубецкого, — писал Н. М. Дружинин, — то убедимся, что перед нами новый этап в про-

цессе оформления буржуазно-революционной идеологии декабристов, притом этап, который характеризует собой компромисс, между более передовым течением и течением умеренным. Здесь феодальные пережитки проявляются с большей силой, чем в намечавшейся программе “рылеевской отрасли”, даже более, чем в конституции Н. Муравьева» [Дружинин 1951, с. 44].

Проект манифеста провозглашал равенство сословий перед законом, но сами сословия сохранялись. Более того, Великий собор, предназначенный выработать новые основные законы, составлялся из депутатов отдельных сословий. Авторы проекта пошли назад в сравнении с предшествовавшими требованиям, они вернулись к принципам сословного представительства, лежавших в основе Уложенной комиссии 1767 г. Преобладающая роль в Великом соборе должна была принадлежать дворянству, и, следовательно, оно получало возможность защитить свои сословные преимущества. Но самое, пожалуй, важное заключается в том, что «манифест умалчивает об уничтожении крепостного состояния. Речь идет об уничтожении рабовладельческого нароста на крепостном праве, а не об уничтожении феодальной зависимости» [Дружинин 1951, с. 44].

Таким образом, манифест, являющийся «платформой восстания 14 декабря 1825 г.», по мнению Н. М. Дружинина, делал шаг назад по сравнению с предшествовавшими документами декабристов. Он представлял собой «равнодействующую различных течений Северного общества: более демократического и умеренного, пытавшегося задержать уничтожение феодального прошлого». Но Рылеев продолжал колебаться, одоббив проект Трубецкого, он перед самым восстанием «пытается составить новый вариант манифеста с помощью Штейнгейля». Очевидно, Рылеев не был удовлетворен манифестом Трубецкого, так же как и не был согласен с ориентацией на Сенат, стремился осуществить замысел царевубийства.

«Двойственность, колебания, внутренние противоречия, которые сказались в создании программного документа революции, обнаружались и в самом ходе вооруженного восстания 14 декабря 1825 г.» [Дружинин 1951, с. 44]. Диктатор Трубецкой вовсе не появился на площади. Несмотря на героическое поведение многих декабристов, «безначалие» парализовало силы восстания. И оно было разгромлено. Очевидно, феодально-дворянские пережитки не могли быть изжиты до конца. Дворянские революционеры остались верны сами себе: даже те члены общества, которые близко подошли к разночинным кругам и готовы были принять проект Пестеля, «оказались не в состоянии обеспечить себе полную независимость действий и пытались опереться на существующие государственные учреждения». Однако горький опыт декабристов позволил последующим поколениям революционеров не только поставить перед собой проблему народной революции, но и пойти дальше по пути осознания тех требований, которое историческое развитие ставило перед Россией [Дружинин 1951, с. 45].

Как видим, трактовка событий 14 декабря Н. М. Дружининым существеннейшим образом отличалась от истолкований М. В. Нечкиной. Общим в обеих концепциях было лишь то, что оба исследователя считали конспект манифеста Трубецкого программным документом восстания 14 декабря, но совершенно различно оценивали его. М. В. Нечкина сколь возможно подчеркивала радикализм этого документа, который должен был знаменовать собой переход к новой общественно-экономической формации, Н. М. Дружинин отнюдь не считал его таковым и нахо-

дил в нем массу «феодално-крепостнических пережитков», с которыми никак не могли расстаться составители. Более того, Н. М. Дружинин полагал, что конспект Трубецкого не отражал общее мнение руководителей на первоочередные задачи выступления. М. В. Нечкина, конечно же, была знакома со свидетельствами источников о существовании самостоятельных проектов Н. А. Бестужева и В. И. Штейнгейля. Пройгнорировать эти свидетельства было невозможно. Но М. В. Нечкина нашла выход. Для того, чтобы доказать тезис о наличии всеми принятого общего плана выступления, она объявила, что Бестужев и Штейнгейль писали лишь вводную часть к манифесту Трубецкого. Н. М. Дружинин же допускал мысли о том, что Рылеев с помощью Штейнгейля в последний момент подготовил собственный, отличный от конспекта Трубецкого проект. Что касается плана выступления, то различия в трактовках здесь выглядят еще более значительными. Н. М. Дружинин фактически отрицал существование того общего плана, наличие которого всеми правдами и неправдами старалась отстоять М. В. Нечкина. Согласно Н. М. Дружинину, руководителями тайного общества планировался «легальный переворот» на основе установок Трубецкого. Эти установки предполагали содействие перевороту «вышних трибуналов»: Сената, Государственного совета, Синода. Не революционное насилие над ними, а содействие. Передовые сановники во главе со М. М. Сперанским и Н. С. Мордвиновым должны были поддержать и закрепить инициативу восставших. «Легальный» переворот Трубецкого предполагал занятие Зимнего дворца и изоляцию императорской фамилии. Радикальные же члены во главе с Рылеевым стремились к более решительным действиям, но были вынуждены подчиниться дисциплине. Однако именно от радикальной группы исходила инициатива добиться немедленной публикации мер, изложенных в проекте манифеста. Но они были выработаны с оглядкой на умеренных. Отсутствие единства во взглядах и неспособность радикальной группы стать во главе восстания и строго провести свою линию явились одной из главных причин поражения восставших.

Нетрудно заметить, что интересная трактовка Н. М. Дружинина, стремившего учесть все нюансы борьбы в тайном обществе накануне переворота, осветить сложный и противоречивый процесс выработки основных решений и представить самое выступление с разных точек зрения, далеко не идеально ложилась в уже начинавшую устанавливаться картину восстания декабристов как определенного звена в схеме развития и смены общественно-экономических формаций. Именно поэтому тезисы Н. М. Дружинина не получили дальнейшего развития в советской историографии, а «главным декабристоведам» страны стала М. В. Нечкина.

В 1955 г. она выпустила свой двухтомный фундаментальный труд «Движение декабристов». Первый том открывался словами, предельно четко и подкупающе ясно, в концентрированном виде передающими суть воззрений автора: «Декабристы — первые русские революционеры, выступившие с оружием в руках против самодержавия и крепостного права в декабре 1825 г.» [Нечкина 1955а, с. 5]. Примечательно, что если ранее она называла их «борцами против крепостного права и самодержавия», то теперь «самодержавие» и «крепостное право» поменялись местами. Декабристы были названы борцами прежде всего с царизмом и только во вторую очередь с крепостничеством. Возможно, в этой перестановке доминант отразилось влияние критических наблюдений Н. М. Дружинина над текстом манифеста Трубецкого.

Но возможно и другое объяснение. После разоблачения культа личности Сталина советская «ленинско-сталинская» концепция движения декабристов стала именоваться «ленинской», оставшись по существу сталинской, ибо идея вооруженного восстания как способа революционного перехода от одной общественно-экономической формации к другой в этой концепции была поставлена во главу угла. Однако акценты были несколько изменены. Если в 1930-е — начале 1950-х годов декабристы никоим образом не могли быть борцами за гражданскую и политическую свободу, какими их попытался представить Н. М. Дружинин, — они должны были бороться прежде всего против отжившего феодально-крепостнического строя, даже не столько против самодержавия, сколько против крепостного права, ибо воспевание борьбы тайного общества против авторитаризма никак не могло импонировать Сталину, теперь же, после его смерти, объявить борьбу с самодержавием главной целью декабристов стало вполне возможным. Как бы то ни было, М. В. Нечкина сделала все от нее зависящее, чтобы представить «открытое выступление» тайного общества «как органический элемент смены общественно-исторических формаций — смены феодализма капитализмом» [Нечкина 1955а, с. 36–37], наполнить реальным содержанием ленинскую формулу: «В 1825 году Россия впервые видела выступление против царизма» [Нечкина 1955а, с. 27].

Именно под этим углом зрения исследовательница рассмотрела события 14 декабря. М. В. Нечкина утверждала, что «советское декабристоведение несло на себе в первый период своего развития печать глубоких ошибок» [Нечкина 1955а, с. 47–48]. А. Е. Преснякова [Пресняков 1926, с. 3–143] она обвинила в том, что на его книге о 14 декабря «лежит особенно отчетливая печать “школы Покровского”». А. Е. Пресняков занимался разоблачением «дворян неудачников», совершивших «революцию-выкидыш», в то время как объективное значение восстания не было им показано. А. Е. Пресняков уделил общему плану декабристов всего три страницы, да и те заполнил вопросом о «личных» намерениях Трубецкого и Рылеева, а по сути дела подменил ими вопрос о плане восстания. Что же касается работы Е. В. Сказина [Сказин 1925, с. 3–72], на которой “печать” школы Покровского в действительности ощущалась еще отчетливей, то М. В. Нечкина назвала его брошюру одним из «наиболее интересных исследований о ходе восстания 14 декабря 1825 г.» [Нечкина 1955а, с. 32]. Статья же Н. Ф. Лаврова [Лавров 1926, с. 136–207], по мнению М. В. Нечкиной, представляла собой попытку реабилитировать Трубецкого. Поэтому тему о плане восстания он повернул «по линии своей основной задачи — реабилитировать незадачливого диктатора». Автор априорно принял идею А. Е. Преснякова о существовании двух последовательных планов и на этом построил объяснение поведения Трубецкого. Историк «оперировал» темой о плане восстания и не имел в виду цели самостоятельного исследования вопроса [Нечкина 1955b, с. 323].

Отношение М. В. Нечкиной к своим предшественникам во многом объясняется тем, что она стремилась представить события 14 декабря как вооруженную попытку дворянских революционеров совершить переход России от феодальной формации к капиталистической. Разумеется, ни бунт, поднятый узкой прослойкой военной интеллигенции, оторвавшейся от своего класса, ни несостоявшееся восстание для этого не подходило. Концепция же Е. В. Сказина, определившего события 14 декабря как вооруженное восстание, более всего отвечала таковой цели. Поскольку же речь шла о революционном выступлении и революционеры априори

не могли иметь никаких связей с представителями верхов, М. В. Нечкина совершенно отказалась от рассмотрения обстоятельств междуцарствия. Хотя из работы Е. В. Сказина, которую она так высоко оценила, ей было хорошо известно о его тонких наблюдениях, позволяющих поставить вопрос об определенной заинтересованности отдельных представителей правящих верхов в том, чтобы выступление тайного общества состоялось, исследовательница обошла этот важный вопрос полным молчанием. М. В. Нечкиной было очень важно, чтобы восстание представляло собой попытку разрушить одну формацию и заменить ее другой. Ей было необходимо показать, что декабристы 14 декабря пытались ликвидировать крепостное право, т. е. изменить производственные отношения. Поэтому она так дорожила конспектом манифеста к народу, найденном в бумагах Трубецкого. В этом документе говорилось об уничтожении права собственности на людей, которое можно истолковать как отмену крепостного права. Предшественники М. В. Нечкиной тоже придавали этому документу важное значение программного документа всего движения, однако с той существенной оговоркой, что она не была всеми принята и Трубецкой готов был пожертвовать всеми ее пунктами кроме собрания депутатов от всех сословий. Поскольку программа эта была связана с именем Трубецкого, М. В. Нечкину не могла устроить трактовка, согласно которой он был устранен от роли лидера в последние дни подготовки восстания. Трактовка, предложенная Е. В. Сказиным и А. Е. Пресняковым, не позволяла объявить наброски Трубецкого планом всего общества, принятым накануне выступления. Раз он устранен от руководства восстания, то, стало быть, не мог и создать плана выступления.

В своей солидной монографии, как и в предыдущих работах, М. В. Нечкина не стала рассматривать эволюцию планов тайного общества. Прием этот понятен: если бы она пошла по пути своих предшественников, ей никак не удалось бы представить картину выработки такого плана, который был ей нужен. Поэтому пути, по которым следовали предшествовавшие ученые, были объявлены глубоко ошибочными. Вообще же историографический обзор движения декабристов в целом и выступления 14 декабря в частности не позволял читателю получить адекватное представление о том, как складывалась и развивалась советская концепция декабризма. Скорее всего, это было сделано намеренно, ибо давало автору монографии, призванной обобщить движение декабристов, возможность, не раскрывая всего спектра исследовательских мнений, представить свое видение событий 14 декабря как единственно верное и, главное, не зависящее от политической конъюнктуры. Подробное же и обстоятельное рассмотрение всех высказанных ранее точек зрения, в том числе и самим автором, а также их историческая оценка могли навести вдумчивого читателя на мысль о существовании такой зависимости и серьезно подорвать доверие к тому, что выдавалось за последнее слово науки.

В таком контексте М. В. Нечкина воспроизвела в своем главном труде почти без существенных изменений свою трактовку восстания декабристов, которая была выработана ею в конце 1940-х — начале 1950-х годов [Нечкина 1955b, с. 223–244]. План же выступления 14 декабря был воспроизведен в этом издании [Нечкина 1955b, с. 250–251] в тех же словах и выражениях, что и в работе 1951 г.²

² Впоследствии М. В. Нечкина переиздала свои работы конца 1940-х — начала 1950-х годов [Нечкина 1975; Нечкина 1982].

Двухтомная монография М. В. Нечкиной была издана в 1955 г. и на три последующих десятилетия определила русло и четко обозначила границы, в которых развивалось советское декабриствоведение в этот период [Сафонов 2009, с. 131–135]. Представление о том, что главной целью восстания 14 декабря была публикация «манифеста к Русскому народу», низвергающего феодально-крепостнический строй, стало доминирующим в советской историографии [Сафонов 2014, с. 275–294]. При этом большинство исследователей, работавших в этом русле, едва ли догадывались о том, что в действительности являются адептами сталинско-ленинской концепции движения декабристов [Сафонов 2012, с. 279–286].

Источники и литература

1. Дружинин Н. М. Программа северных декабристов // Известия Академии наук СССР. Сер. истории и философии. 1951. Т. VIII, № 1. С. 34–45.
2. Лавров Н. Ф. Диктатор 14 декабря // Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825–1925. Л.: Былое, 1926. С. 129–222.
3. Нечкина М. В. Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сб. статей. Ч. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 313–337.
4. Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955а. 483 с.
5. Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1955б. 507 с.
6. Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. М.: Мысль, 1975. 399 с.
7. Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. М.: Мысль, 1985. 256 с.
8. Нечкина М. В. Декабристы. М.: Наука, 1982. 183 с.
9. Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л.: Гос. издательство, 1926. 225 с.
10. Сафонов М. М. Становление советской концепции восстания декабристов // Мавродинские чтения 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 131–135.
11. Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М.: РОССПЭН, 2012. С. 279–286.
12. Сафонов М. М. Путешествие дилетанта. (План восстания 14 декабря 1825 года в советской историографии) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 275–294.
13. Сказин Е. В. Восстание 14 декабря 1825 г. М.; Л.: Московский рабочий, 1925. 84 с.
14. Сталин И. В. Статьи и речи от XVI до XVII съезда ВКП (б). М.: Партиздат, 1934. 326 с.
15. Черепнин Л. В. Академик М. В. Нечкина. (Творческий путь) // Проблемы истории общественного движения и историографии. М.: Наука, 1971. С. 15–25.

References

1. Druzhinin N. M. Programma severnykh dekabristov [Program North Decembrists]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Ser. istorii i filosofii* [News of Academy of Sciences of the USSR. Ser. of history and philosophy], 1951, vol. VIII, no. 1, pp. 34–45. (in Russian)
2. Lavrov N. F. Diktator 14 dekabria [The dictator 14 December]. *Bunt dekabristov. Iubileinyi sbornik. 1825–1925* [The Revolt of the Decembrists. Jubilee collection. 1825–1925]. Leningrad: Byloe Publ., 1926, pp. 129–222. (in Russian)
3. Nechkina M. V. Vosstanie dekabristov v kontseptsii M. N. Pokrovskogo [The Revolt of the Decembrists in the concept M. N. Pokrovsky]. *Protiv istoricheskoi kontseptsii M. N. Pokrovskogo. Sb. statei* [Vs. historical concepts, M. N. Pokrovsky. Sat. articles]. Part I. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1939, pp. 313–337. (in Russian)
4. Nechkina M. V. *Dvizhenie dekabristov* [Decembrist Movement]. Vol. I. Moscow: AN SSSR Publ., 1955a. 483 p. (in Russian)
5. Nechkina M. V. *Dvizhenie dekabristov* [Decembrist Movement]. Vol. II. Moscow: AN SSSR Publ., 1955b. 507 p. (in Russian)

6. Nechkina M. V. *Den' 14 dekabria 1825 goda* [Day, 14 December 1825]. Moscow: Mysl' Publ., 1975. 399 p. (in Russian)
7. Nechkina M. V. *Den' 14 dekabria 1825 goda* [Day, 14 December 1825]. Moscow: Mysl' Publ., 1985. 256 p. (in Russian)
8. Nechkina M. V. *Dekabristy* [Decembrists]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 183 p. (in Russian)
9. Presniakov A. E. *14 dekabria 1825 goda* [December 14, 1825]. Moscow; Leningrad: Gos. izdatel'stvo, 1926. 225 p. (in Russian)
10. Safonov M. M. Stanovlenie sovetskoi kontseptsii vosstaniia dekabristov [Formation of the Soviet concept of the Decembrist uprising]. *Mavrodinskie chteniia 2008. Peterburgskaia istoricheskaia shkola i rossiiskaia istoricheskaia nauka: diskussionnye voprosy istorii, istoriografii, istochnikovedeniia. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia professora Vladimira Vasilevicha Mavrodina* [Mavrodin's read 2008. Petersburg historical school and the Russian historical science: controversial issues of history, historiography, source studies. Materials of all-Russian scientific conference devoted to 100 anniversary of birthday of Professor Vladimir Vasilyevich Mavrodin]. St. Petersburg: SPbGU Publ., 2009, pp. 131–135. (in Russian)
11. Safonov M. M. Protsess po delu dekabristov kak fenomen obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii [The trial of the Decembrists as a phenomenon of socio-political life of Russia]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii. Programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiiskoi akademii nauk* [History-cultural heritage and spiritual values of Russia. The program of fundamental researches of Presidium of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, pp. 279–286. (in Russian)
12. Safonov M. M. Puteshestvie diletanta. (Plan vosstaniia 14 dekabria 1825 goda v sovetskoi istoriografii) [The Journey of an Amateur. (The plan of the uprising of 14 December 1825 in Soviet historiography)]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg historical magazine], 2014, no. 3, pp. 275–294. (in Russian)
13. Skazin E. V. *Vosstanie 14 dekabria 1825 g.* [The Uprising of 14 December 1825]. Moscow; Leningrad: Moskovskii rabochii Publ., 1925. 84 p. (in Russian)
14. Stalin I. V. *Stat'i i rechi ot XVI do XVII s'ezda VKP (b)* [Articles and speeches from the XVI to the XVII Congress of the CPSU (b)]. Moscow: Partizdat Publ., 1934. 326 p. (in Russian)
15. Cherepnin L. V. Akademik M. V. Nechkina. (Tvorcheskii put') [Academician M. V. Nechkina. (Creative path)]. *Problemy istorii obshchestvennogo dvizheniia i istoriografii* [Problems of the history of social movements and historiography]. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 15–25. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 3 июня 2015 г.